

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТРАСТОВ В ИДЕНТИЧНОСТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

(при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант №13-01-00050)

Статья посвящается вопросам методического обеспечения анализа региональной приграничной идентичности соседних областей Украины и России.

Ключевые слова: идентичность, анкетирование, контрасты, историческая память, регион.

Настоящая публикация продолжает цикл работ авторов по проблемам идентичности, делая акцент на вопросы методологии и методики. Первоначально исследования проводились в пределах исторического ядра Европейской части России (2001 – 2003 гг. и последующие годы). Здесь были апробированы подходы к изучению идентичности, выявлены базовые закономерности и соотношения индивидуального и коллективного в РИ. Работа тогда реализовывалась при поддержке нескольких грантов РФФИ (исполнитель и руководитель проектов был М.П. Крылов – см.: Крылов, 2010).

Затем, начиная с 2008 года, исследовательский полигон по изучению региональной идентичности и регионального самосознания местных городских сообществ переместился в пограничье России и Украины, а именно на территории исторических регионов Гетманщины (или "Малороссии", как ее именовали до 1917 г.) и Слободской Украины. Последние 2 года (2012 – 2013 гг.) исследования проводились при поддержке РГНФ в основном в пределах Левобережной Украины.

В 2008 – 2009 гг. авторами были изучены российские регионы – Брянская, Курская, Белгородская и Воронежская области. Исследования позволили выявить довольно значительное присутствие *унаследованных украинских этнокультурных компонент* в современной региональной идентичности населения, а также ареал и степень их сохранности.

Спустя два года (в 2011 г.) авторы поставили перед собой задачу сравнения региональных идентичностей российской и украинской частей Гетманщины и Слободской Украины. Важно было ответить на следующие вопросы: насколько контрастны или же подобны современные формы местной исторической памяти по разные стороны границы; сходным или же различным является восприятие исторического пути развития регионов; какие элементы региональной идентичности и исторического сознания проявляют устойчивость, а какие, напротив, – неустойчивость к "терапевтическим" средствам, используемым в Украине и России в процессе государственного строительства? Обозначенные вопросы актуальны для понимания характера социокультурных и этнополитических процессов в районах, разделенных ныне государственной границей, с общим (но отнюдь не тождественным) историческим прошлым.

В рамках гранта РГНФ (№12-01-18066) авторами было проведено экспедиционное обследование городов четырех областей Украины – Полтавской, Сумской, Харьковской и Черниговской, а также Курской области России. В рамках гранта РГНФ 2013 г. авторы проводили исследования в городах Полтавской, Киевской и Луганской областей Украины, а также Брянской области России. Брянские города изучались в основном в пределах бывшей Черниговской губернии, за исключением г. Трубчевска, который еще со времен войн между Речью Посполитой и Московским государством неизменно входил в состав российских

территориальных образований (в 1609 - 1644 гг. Трубчевск входил в состав Речи Посполитой - прим. ред.).

В исследовании *российских* территорий 2012 – 2013 гг., при анкетировании и интервьюировании респондентов, авторами была принята "система координат", гипотетически ориентированная на рассмотрение исторической памяти в *Украине*, делающая акцент на предполагаемые реперные проблемы, связанные с украинской идентичностью. В то же время для украинских регионов применялись, в частности, подходы, предложенные и апробированные авторами ранее - при поиске моделей обнаружения и описания украинских этнокультурных компонент в российской региональной идентичности (Гриценко, 2011; Gritsenko, 2011; Гриценко, Крылов, 2012 и др.).

Остановившись на понятии "региональная идентичность", следует отметить, что мы не связываем это понятие с развитием определенных региональных институтов, институтов управления или развитых сетевых структур или институтов гражданского общества, как это нередко встречается, например, в европейской научной практике. Наше понимание РИ опирается на известное со времен античности и широко бытующее в настоящее время понятие "малой родины", на понятия "своей земли", "своего края", "землячества". Все эти известные понятия тесно переплетены между собой и связаны с особым чувством любви и приверженности к определенной территории, гордости за нее.

Города имеют важное значение для региональной идентичности. Именно они выступают в качестве фокусов для восприятия своей местности, своеобразных реперов ориентирования в пространстве (отсюда неформальные названия: Брянский край, Муромский край, Полтавщина, Черниговщина и т.д.). Населению городов (особенно малых и средних городов) свойственно восприятие отличий одних местностей от других через призму различных местных особенностей - исторических и культурных сторон развития городов, через призму соподчиненности разных городов и местностей между собой, включая иерархическую административную соподчиненность, а также прошлое вхождение городов в различные не существующие ныне территориальные образования. Особую роль в данном процессе занимает *преемственность*, благодаря которой сохраняются отличительные особенности не только городов и территорий, но и самосознания их жителей. Было выявлено, что хранителями и трансляторами "духа места" становятся как местные по рождению (родившиеся и прожившие всю жизнь на одном месте), так и местные по убеждению, т.е. те, кто родился и вырос в другом месте, но со временем укоренился, восприняв стереотипные установки принимающего сообщества (Крылов, 2010, с.150 – 155). При этом основное внимание мы уделяли местным культурным элитам – той прослойке, которая принимает участие в формировании местной исторической памяти, и связана с местными протестными движениями в защиту природы и историко-культурного наследия.

В пределах российско-украинского пограничья – в Брянской, Курской, Белгородской, отчасти Воронежской областях России, а также в пределах Левобережной Украины нами была обследована практически вся сеть исторических городов, в том числе бывшие города, которые по формальным критериям потеряли, как правило, в советский период, статус города, но до сих пор сохраняют типичный городской уклад жизни.

Характерное проявление региональной идентичности – это наличие определенного ареала, с которым идентифицирует себя население. Мы предпочитаем говорить в таком случае о ментальных регионах. Границы таких регионов имеют разнообразные формы; они в

значительной степени размыты в сознании населения, но подчиняются общему центрально-периферийному правилу – идентификация с центром всегда выше, чем с периферией.

Изучая разнообразные проявления региональных идентичностей как таковых, мы обратили внимание на значительное место этнических и этнополитических компонент, присутствующих в региональной идентичности. Мы обнаружили, что эти компоненты органично входят в ее состав, дополняют ее, усиливают и выражают ее более отчетливо. Таким образом, региональная идентичность обнаруживается в пограничье в близком соприкосновении с этнической / этнополитической идентичностью, которая в исследовании рассматривается в качестве значимого фона региональной идентичности.

Обобщая материалы, собранные в поле (только в пределах Левобережной Украины было получено более 500 подробных анкет-опросников), а также критически анализируя полевые наблюдения, нам удалось выявить этнокультурную структуру пространства региональных идентичностей в соседних районах Левобережной Украины и России, связанную с плавным переходом между русской и украинской культурами. Этот переход, по-видимому, весьма устойчивый, выражается в когнитивном изменении компонент идентичности, от "чисто русских" до "чисто украинских" компонент в региональной идентичности. Модель, отображающая такой пространственный переход, была названа "российско-украинский этнокультурный градиент" (Гриценко, Крылов, 2012 – см. рис.1).

Важно отметить, что градиент, территориально рассекаемый современной государственной границей России и Украины, не повторяет культурно-языковую дифференциацию (понимаемую как ориентацию на использование русского или украинского литературного языка в быту), поскольку учитывает и многие другие выше приведенные составляющие, связанные с исторической памятью и укорененностью населения. Однако в целом градиент коррелирует с языковыми зонально-региональными различиями, связанными с "суржикоизацией", фонетическими заимствованиями, говорами. Мотивация к использованию литературного русского или литературного украинского языка в Левобережной Украине проявляет вариативность как пространственную, так и ситуативную. Эта вариативность является одним из проявлений современной идентичности, активно включенной здесь в этнополитические процессы Украины и сопряженной, в конечном счете, с почти диаметрально противоположными моделями политической ориентации – самостийно-западнической ("украинофильской") и евразийской ("русофильской").

Однако при всей (казалось бы) предсказуемости и ожидаемости такого плавного этнокультурного перехода в исторической этноконтактной зоне, связанной с традицией Гетманщины и Слободской Украины, в этнокультурном градиенте заложена не отражаемая графически асимметрия, в значительной мере связанная с этнонациональными контекстами.

Со стороны России элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность, организуя восприятие границ своей территории на их основе. Например, земляками часто рассматривают жителей соседних областей Украины, но не жителей соседних регионов России; и более того – население ощущает существенные отличия внутри одной области, например, отличия западных районов Курской области от восточных (подобные феномены обнаруживались Р. А. Григорьевой в белорусско-русском пограничье). Усиливает данную тенденцию историческая память о роли украинского казачества в освоении региона вдоль Белгородской засечной черты, а также распространение местных украинизированных говоров (в том числе суржика), элементов традиционного этнокультурного ландшафта.

Со стороны же Украины региональная идентичность связана с противоречивыми процессами исторического и этнокультурного самоопределения, которые во многом детерминируются размытием общерусской культуры и представлениями о соседней России.

Мы полагаем, что региональные контрасты в идентичности соседних районов России и Украины связаны не столько с различием исторических судеб как таковых (хотя нередко они существенны и здесь), сколько с местными трансформациями исторического сознания, определяемыми взаимодействием внутренних (эволюция идентичности) и внешних ("историческая политика") причин, условий и обстоятельств регионов и государств. При этом мы исходили из предположения, что региональные контрасты, связанные с исторической памятью, не должны полностью совпадать с проявлениями "русской" и "украинской" этнокультурной идентичности или же иметь похожий пространственный рисунок.

Вопрос о роли этнической компоненты в модели конструируемой, а также складывающейся естественным, эволюционным путем нации, о соотношении ее "имперской" и "этнократической" модели может быть уточнен на основе нашего эмпирического материала, относящегося к Центральной России (Крылов, 2010, с.127 – 139). Обобщение этого материала позволило нам выделить отдельные ракурсы (аспекты) региональной идентичности, различающиеся по отношению к критериям традиции (а тем самым и к формам выражения исторической памяти). Представляется весьма существенным то, что ракурсы идентичности обнаружили зависимость от уровня образования респондентов, при этом этнически ориентированные традиционалистские формы идентичности ослабевают при увеличении уровня образования респондентов, что, с нашей точки зрения, может служить серьезным общенаучным аргументом при обсуждении конкретной модели "гражданской нации" и "нациестроительства". Соответственно, возможно существование ряда противоречий, в особенности между чисто этническими формами идентичности, и другими формами идентичности, которые трактуют культурную традицию более широко и могут быть взяты за основу при конструировании "новых идентичностей". Здесь очень существенно то, что формы идентичности, выражающие "Национальное Возрождение" (в частности, в России, Украине и др.), могут быть вариативными, по-разному трактуя идею Национального Возрождения. Это, возможно, является наиболее вероятным различием между "имперскими" моделями, характерными для России, с одной стороны, и этно-ориентированными моделями (например, в Украине), с другой стороны.

Авторы обращают внимание на *фактическую идентичность* населения изучаемых территорий, которая нередко остается вне поля зрения исследователей, увлеченных рассмотрением разнообразных аспектов "нациестроительства", "конструирования идентичности" и "политики памяти"¹, - когда на самом деле изучаются (фиксируются, обобщаются) декларируемые, но не обязательно реализуемые стратегии, не оценивается степень реализации этих стратегий. В итоге предметом исследования нередко становится не реальность во всей ее сложности, неоднозначности, противоречивости и пространственной дифференцированности, а всего лишь желаемый – прежде всего – властями – план итогового преобразования реальности (культурной, этнонациональной, политической).

¹ Позиция, противоположная нашей, активно отстаивается рядом авторов (например, Мусихин, 2012; Гельман, 2003), которые по сути допускают возможность неограниченного вторжения во внутренний мир человека (вопрос о закреплении сконструированной идентичности в формирующейся традиции этими авторами не рассматривается).

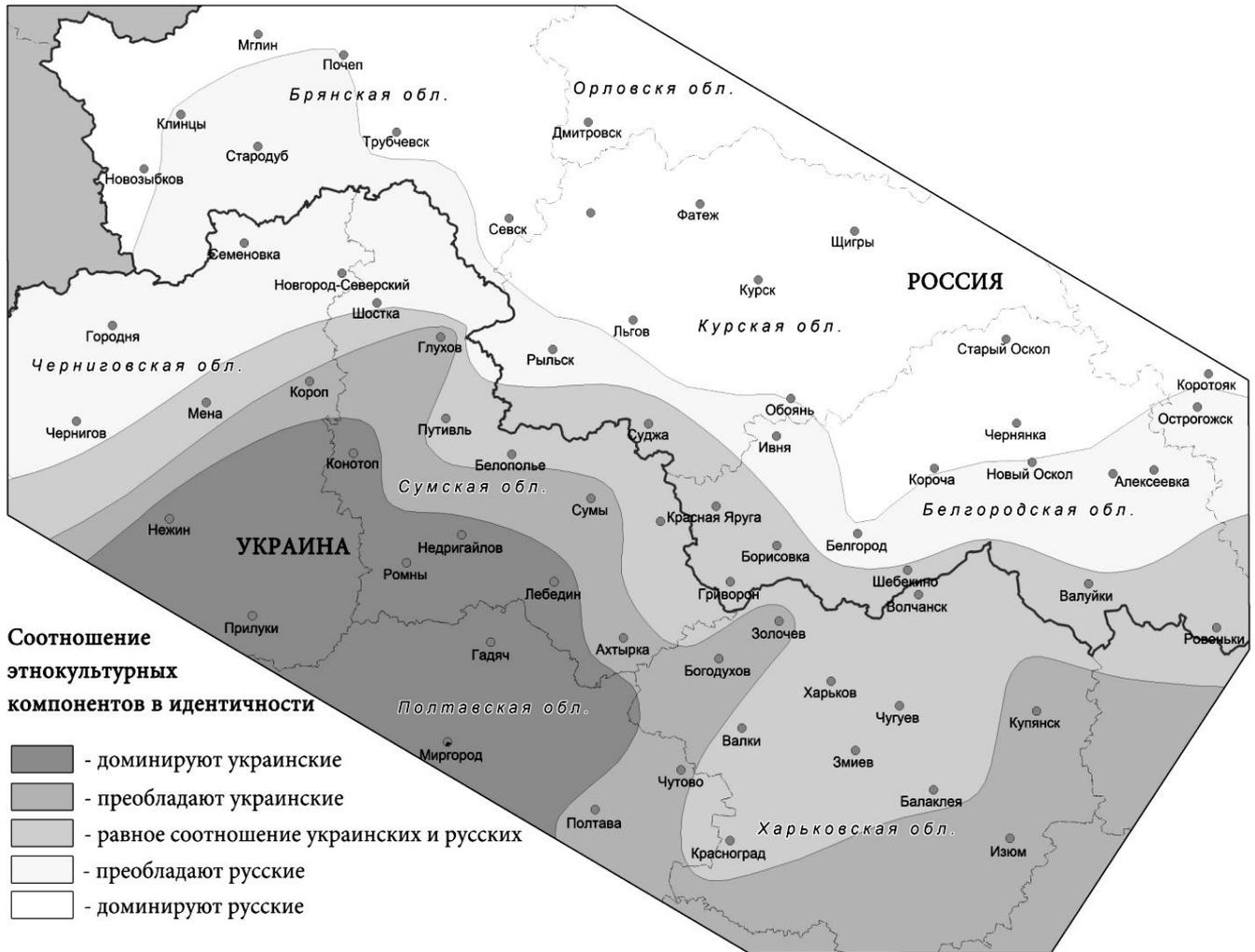

Рис. 1. Российско-украинский этнокультурный градиент

Фактическая идентичность населения далеко не всегда соответствует заявлениям политиков и примыкающей к ним части интеллектуальной элиты, а также многим из популярных ныне и активно "раскручиваемых" маркеров идентичности, как, допустим, использование русского языка в быту. Например, северо-восточные территории Украины, где в бытовом употреблении до сих пор преобладает русский язык, в политическом контексте обычно не солидаризуются с Донбассом или Крымом. Все это требует особых способов своей репрезентации. Соответственно, этнокультурный градиент – это очень важная составляющая и предпосылка идентичности, но далеко не вся идентичность, рассматриваемая в пространственно-территориальном аспекте.

В начале 90-х гг., как известно, в Украине был взят курс на построение нации-государства, в основу которого лег принцип: "одно государство – одна нация – один язык". Стратегии нациестроительства иногда приобретали жесткую идеократическую форму. Однако вряд ли можно полагать, что декларируемые и реализуемые стратегии имели и имеют одинаковый эффект в различных частях Украины в силу высокого разнообразия этнокультурных условий и существования множества *регионально контрастных матриц – социокультурных кодов идентичности*. Мы полагаем, что данные коды фильтруют внедряемые практики конструирования национальной идентичности, благодаря чему в разных районах на

низовом уровне воспринимаются и усваиваются не все, а лишь немногие составляющие применяемых "штампов" конструируемой идентичности и исторической памяти.

Логика современного украинского национального проекта диктует идентичности определенную дистанцированность от России и/или русской культуры. Однако такая дистанцированность, судя по имеющимся материалам, в условиях Левобережной Украины определяется не только языковыми и другими этнокультурными факторами, но также и сохранившейся *местной исторической памятью, восприятием России как "значимого другого"*, допускающим рассмотрение ее (подкрепляемое разнообразными историческими ассоциациями) как дружелюбного или же, напротив, "агрессивного", или "самоуверенного" соседа.

При этом населению Левобережной Украине, наравне с вариативностью в мотивации к использованию определенного языка, свойственна также и *естественная региональная амбивалентность* в отношении к исторически и культурно близкой России. Эта амбивалентность определяется разнообразными факторами, связанными как с историческим прошлым, так и с современностью. Ассоциации с Россией у населения здесь встречаются как позитивные, так и негативные.

Для восприятия России в том или ином свете имеют значение и возраст человека, и его социальный статус, и многое другое, но также и культурно-исторический базис "принявшего" сообщества, на изменение которого в основном направлена историческая политика и политика идентичности в Украине. Последние реализуются посредством разнообразных (гео)политических дискурсов в СМИ, литературе, системе образования, которые привносят новые, порой тенденциозные интерпретации тем и сюжетов, связанных с Россией. Реакция населения на них возникает неизбежно. Однако и здесь, как показывают обобщения собранных в 2012 – 2013 гг. материалов, в реакции населения присутствует неоднозначность (двойственность), объясняемая как естественным ходом развития местной идентичности, так и недифференцированностью, универсальностью политических практик в сфере памяти и идентичности.

Вместо унификации и конвергенции региональных идентичностей в Украине, желаемой идейными вдохновителями украинского нациестроительства, наблюдается дополнительная дифференциация и дивергенция, как бы дрейф регионов в разные стороны (хотя и в пределах общеукраинской самоидентификации). Исходно дифференцированные в историко-культурном отношении украинские регионы получают дополнительные различия даже в пределах относительно однородных исторических областей. Общество, цементируемое общеукраинским патриотизмом¹, неожиданно получает импульс к ложному культурному сепаратизму² в силу соприкосновения глубинных пластов исторического сознания с активно проводимой политикой идентичности. Контрасты социокультурных кодов региональной идентичности проявляется, в частности, в "советизированной" исторической памяти Луганска, в ориентации на традиции и проблемные ситуации, связанные с Гетманщиной и пребыванием Украины в составе СССР в Нежине, Сумах и Полтаве, в значительной ориентации на русскую культуру, при весьма настроенном отношении к современной России, в Чернигове. Косвенно эти

¹ Можно рассуждать о том, является ли этот патриотизм разновидностью местного патриотизма некогда обширной империи (допустим, как формы «малороссиянства», по О. Субтельному), или же это – патриотизм появившегося на политической карте нового государства. Однако в данном контексте это не существенно.

² «Ложность» сепаратизма здесь понимается прежде всего в смысле расхождения культурной и социально-политической доминант идентичности.

различия проявляются также в зафиксированной нами множественности "региональных эталонов" украинской культуры, к которым могут относиться и Полтавщина, и Закарпатье, и Западная Украина, и Наднепровье, а нередко также и свой собственный регион. Кроме того, можно отметить значительные региональные различия в трактовке ряда раскрученных тем, например, такой, как "Голодомор 1932–33 гг."

Объективное ментальное "прощание" с Россией сопровождается движением различных регионов Украины в разные стороны, не сводимым к "западному" или "восточному" вектору. Это движение порождается, как отмечалось выше, малопредсказуемым результатом воздействия искусственных моделей идентичности на отдельные (в разных регионах – разные) составляющие местного культурного кода.

Эти коды носят весьма устойчивый характер, хорошо воспроизводимы при анализе результатов анкетирования и весьма рельефно проявляются на фоне российско-украинского этнокультурного градиента. Все существующие тенденции развития Украины так или иначе оцениваются людьми через призму этого кода, в котором эти тенденции преломляются как в кривом зеркале, в каждом регионе по-своему. Можно видеть, как сообразно существующему региональному разнообразию таких кодов ("зеркал") получают развитие политические инициативы центральных властей (Киев), направленные на унификацию (гомогенизацию) восприятия истории Украины, формирование пантеона героев и т.д.

Во многих случаях возникающий резонанс между местной историей, местной культурой и политизированной национальной историей, слабо учитывающей региональные особенности отдельных частей страны, приводит к активному возрождению интереса к региональной истории и краеведению (очень часто, судя по анкетам, - в ущерб общеукраинской истории).

Сказанное не должно быть воспринято как упрек к проводимой в Украине политике памяти, указанием на ее недостатки. Авторы считают нецелесообразным привнесение сюда оценочных суждений и рассматривают в данном случае политику памяти как социальный эксперимент, который будоражит сознание людей и помогает выявить своеобразную структуру культурного пространства.

Обращает на себя внимание весьма значительная слабость (узость) исторического сознания на сопредельных территориях России. В российских регионах, по сравнению с украинскими, историческое сознание неактуализировано, "палитра" красок, смыслов, нюансов исторической памяти проявляется гораздо менее отчетливо. Вероятно, что в России общезначимое (общероссийское, общерусское) историческое сознание в весьма значительной степени оторвано от местной идентичности¹. С другой стороны, слабость российского исторического сознания, нередкое "мелкотемье" исторических сюжетов, которые считают "поворотными" для местной истории (характерный пример – Курская область: см. табл.1), является признаками отсутствия в России внятной исторической политики. Кроме того, в России доминирует имперская (в смысле: космополитическая) тактика государственного строительства, а российская политика идентичности в целом направлена лишь на создание политической гражданской нации. Национализм как государствообразующая идеология в России сейчас фактически отсутствует.

¹ Российская региональная идентичность имеет, как показано нами (Крылов, 2010), достаточно развитую фольклорную (городскую и сельскую) и чисто местную исторические составляющие. Поэтому слабость и малую пространственную дифференцированность российского исторического сознания неправильно было бы интерпретировать в духе «аспатиальности» (в смысле Л.В. Смирнягина, 1999).

Сравнительный анализ результатов исследования выявил существование пространственных асимметрий в идентичности и исторической памяти в России и в Левобережной Украине. На территории России существует определенная пространственная упорядоченность в распространении элементов украинской культуры у жителей российских территорий и в ландшафте, и в характерном наличии у жителей "украинских корней", а также в наличии значительной пространственно выражаемой ориентации на Украину в сознании населения, склонного рассматривать жителей соседних украинских областей как земляков (независимо от этнической принадлежности жителей и российских, и украинских территорий). Продолжает сохраняться ощущение близости и сопричастности территорий России и Украины, а также русских и украинцев в пределах бывшей продолжительное время единой Слободской Украины (а также прилегающих к ней исторических территорий). За пределами Слободской Украины эффекты, связанные с ментальной близостью жителей России и Украины, русских и украинцев значительно ослабевают (точнее, в незначительной степени ощущение этой близости и сохраняется, но оно носит менее устойчивый характер, поскольку уже перестает быть составной частью региональной идентичности). Характерный элемент асимметрии – весьма значительная пространственная ориентация на Украину (земляки и др.) в региональной идентичности у жителей российской части приграничья и весьма слабое присутствие такого рода ориентации на Россию – у жителей украинской части приграничья.

На территории России происходила естественная, постепенная и далеко не завершенная к настоящему времени ассимиляция коренного украинского населения в обширной приграничной зоне. Элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей граничащих с Украиной территорий; эта органичность усиливается благодаря сохранению изначальной "вписанности" украинской культуры в ландшафт (в работах авторов в связи с этим идет речь об "историко-культурном ландшафте").

На территории Украины, если рассматривать ее Левобережную часть, процессы ассимиляции украиноязычного населения всегда сочетались с целым рядом "естественных барьеров", а также с противоположно направленным процессом сопротивления ассимиляции, проводившимся под флагом украинского национального Возрождения, создания украинского "национального проекта" и т.п. Советская эпоха ознаменовалась чередованием своеобразных волн наступления и отступления "украинизации", борьбы с "украинским буржуазным национальным" и проявлениями "русского великодержавного шовинизма".

В России позитивное, чувственное отношение к Украине (в разных аспектах) большее распространение имеет в пределах широкой полосы Слободской Украины и Гетманщины. На территориях, непосредственно прилегающих к российско-украинской границе, наблюдается "всплеск" общероссийской идентичности, несколько ослабляющий эту связь с Украиной (см.: Гриценко, 2011; Гриценко, Крылов, 2012). Во внешнем по отношению к государственной границе поясе российско-украинского порубежья восприятие Украины менее чувственное, более рациональное, что связано со значительной (по сравнению с внутренним поясом) культурной дистанцией от Украины.

На территории Украины отношение к России зависит от множества факторов, включая различные конъюнктурные, которые часто имеют пространственно выраженный характер. Отношение к России может быть как к "сестре", как к дружественному, но иногда и как к недружественному, соседу, оказывающему давление на Украину в целом и на приграничные регионы. В Левобережной Украине более позитивное, нейтральное отношение к России

нередко прослеживается во внутренних, по отношению к российско-украинской границе, районах. Для этих территорий характерна высокая ориентация на украинский литературный (не обязательно – разговорный) язык и украинскую автокефальную церковь (пример – Полтава). В то же время на периферийных территориях Левобережной Украины (характерный пример – Сумы) образ России пестрит разнообразием, часто встречаются негативные ассоциации. Это может быть объяснено, хотя бы отчасти, более острым восприятием "давления России" на Украину.

Приграничные территории, насколько мы можем судить, подвергаются более активному воздействию со стороны властей, связанным с "конструированием идентичности". В то же время на более "глубинных" территориях (Полтава, Нежин, Чернигов) такое воздействие, по нашим наблюдениям, минимально, несмотря на неоднородность этих территорий, существование различий в использовании языка, в исторической памяти и в характере проявления украинофильских тенденций. Возможной причиной этого является местная идентичность, не вызывающая скепсис с позиций принятой модели нациестроительства. Восприятие идеи "славянского единства" в России преобладает, при этом "единство" понимается в духе "имперской идеи", в то время, как в Украине делается акцент на "равноправное сотрудничество". Некоторые респонденты в Украине вовсе не знают об идее "славянского единства" или воспринимают эту идею этнополитически, например: "не воспринимаю эту идею, - независимость каждому народу" (ж., 44 года, г. Сумы).

В заключение статьи приводятся таблицы 1 и 2, в которых представлены краткие обобщения части собранных авторами в 2012 – 2013 гг. материалов, интерпретацию которых и представляет собой представленный текст. Таблица 2 сопровождается примерами высказываний, зафиксированными авторами при анкетировании.

Таблица 1. Векторы исторической памяти в соседних регионах Украины и России

№	Чернигов						Сумы						Луганск						Курская обл.						Брянская обл.					
	А		Б		С		А		Б		С		А		Б		С		А		Б		С		А		Б		С	
1	Левобережная Украина – 20% Черниговский – 15% Северщина – 15%						Слободская Украина – 70% Левобережная Украина – 10%						Донбасс – 75% Слободская Украина – 20%						Курский край – 30% Черноземье – 30%						Украина, Черниговщина – 25% Центральная Россия – 15% Брянский край – 10% Беларусь – 5%					
2	30		65		40		60		40		75		27		66		25		75		25		75		25		75			
3	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×
	65	5	25	70	5	25	75	0	25	75	0	25	75	0	9	95	0	5	95	0	5	95	0	5	95	0	5	95	0	5
4	Эпоха Киевской Руси – 15% 1991 г. – 5% <i>Таких событий нет</i> – 50%						Оранжевая революция – 15% ВОВ – 10% Времена Гетманщины, в т.ч. Конотопская битва – 10% 1991 г. – 5% <i>Таких событий нет</i> – 25%						Гражданская война и Революция 1917 г. – 15% 1991 г. – 15% ВОВ – 10% События последних лет – 7% <i>Таких событий нет</i> – 50%						ВОВ – 21% Местные локальные события – 18% Открытие и разработка КМА, строительство Курской АЭС – 3% <i>Таких событий нет</i> – 48%						ВОВ – 10% Авария на ЧАЭС – 10% Распад СССР – 5% Времена Гетманщины – 5% <i>Таких событий нет</i> – 55%					
5	Полтавщина – 30% Западная Украина – 45% Центральная Украина – 15%						Полтавщина – 40% Западная Украина – 30% Центральная Украина – 10% Слободская Украина – 10% Черниговский – 10%						Полтавщина – 20% Западная Украина – 50% Центральная Украина – 20%						Ареалы украинской культуры в Курской области (Глушково, Суджа и др.) – 18% Курская область и другие русские территории – 12% Национальные республики России – 9% <i>Не ответили</i> – 60%						Западная часть Брянской области – 30% Восточная часть Брянской области – 20% <i>Не ответили</i> – 50%					
6	ВОВ – 25% Советская эпоха – 15% <i>Не ответили</i> – 50%						ВОВ – 40% Советская эпоха – 10% 1812 г. – 5% <i>Не ответили</i> – 40%						ВОВ – 50% Советская эпоха – 20% <i>Не ответили</i> – 50%						ВОВ – 55% Советская эпоха – 4% <i>Не ответили</i> – 40%						ВОВ – 40% Советская эпоха – 10% Времена Гетманщины – 5% <i>Не ответили</i> – 40%					
7	Сталинские репрессии и голодомор (1932-34) – 10% Распад СССР – 15% Ликвидация Гетманщины – 10% <i>Не ответили</i> – 50%						Сталинские репрессии и голодомор (1932-34) – 30% Распад СССР – 10% <i>Не ответили</i> – 40%						Сталинские репрессии и голодомор (1932-34) – 30% <i>Не ответили</i> – 50%						Распад СССР – 15% Социально-экономическое положение России – 10% <i>Не ответили</i> – 60%						Распад СССР – 20% Афганская и Чеченская военные кампании – 15% Социально-экономическое положение России – 10% <i>Не ответили</i> – 55%					
8	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×	+	–	×
	50	10	25	45	35	20	35	35	20	35	35	20	60	18	22	75	5	20	75	5	20	75	5	20	75	5	20	75	5	20
9	РФ		СЧ		МАЛ		РФ		СЧ		МАЛ		РФ		СЧ		МАЛ		РФ		СЧ		УКР		РФ		СЧ		УКР	
	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–	+	–
	30	30	25	40	40	20	30	35	30	20	40	20	65	20	60	15	50	25	72	18	42	36	33	45	40	10	30	20	30	15
10	+	–	≈	×	+	–	≈	×	+	–	≈	×	+	–	≈	×	+	–	≈	×	+	–	≈	×	+	–	≈	×	+	–
	25	20	10	25	30	35	20	10	30	20	0	50	9	42	21	12	10	30	30	25	10	30	30	25	10	30	30	25	10	30

Примечание: анкетирование экспертов 2012 – 2013 гг., Чернигов – 28 чел., Сумы – 76 чел., Луганск – 22 чел., Курская область (гг. Курск, Рыльск) – 109 чел., Брянская область (гг. Клинцы, Новозыбков, Стародуб, Почеп, Трубчевск) – 58 чел.

Вопросы в Таблице 1:

№1: Как Вы считаете, к какому региону традиционно (исторически) относится местность, в которой Вы сейчас живете?

№2: В каком аспекте Вы воспринимаете известную идею "славянского единства"?:

Группа ответов 1: в аспекте культурного единства всех славянских народов (чехов, поляков, сербов, русских и т.д.) и (гео)политического единства всех славян, в %;

Группа ответов 2: активного сотрудничества восточных славян на равноправной основе и культурного, политического и экономического единства украинцев, белорусов и русских, в %.

№3: Как Вы сами относитесь к этой идее?

"+" - положительно, "-" - отрицательно, "x" - нейтрально, в %.

№4: Какие события отдаленного и недавнего прошлого Вам кажутся *интересными, значимыми, поворотными* для Вашего края?

№5: С каким регионом у Вас ассоциируются *украинские традиции (сохранение традиций – для России)*?

№6: Какие события прошлого, местной истории, связанные с Россией или СССР, по Вашему мнению, должны вызывать *чувство гордости*?

№7: Какие события прошлого, местной истории, связанные с Россией или СССР, по Вашему мнению, должны вызывать *чувство досады или негодования*?

№8: Сожалеете ли Вы, что в недавнем прошлом возникли государственные границы между Россией и Украиной?

"+" - да, сожалею, "-" - нет, не сожалею, "x" - затрудняюсь ответить, в %.

№9: Скажите, пожалуйста, что первое приходит Вам в голову, какие мысли, образы или ассоциации, когда Вы слышите слово: "Россия" (**РФ**), "Советский человек" (**СЧ**), "Малороссия" (**МАЛ**) (для Украины); "Россия", "Советский человек", "Украина" (**УКР**) (для России)? "+" - положительные образы, "-" - отрицательные образы, в %.

№10: Как Вы относитесь к отделению православной церкви Украины от Русской православной церкви? "А" - положительно, она должна быть самостоятельной (автокефальной), "Б" - отрицательно, "В" - пока не решил, "Г" - равнодушно, в %.

Таблица 2. Ассоциации со словами-маркерами в Левобережной Украине и сопредельных регионах России

Регионы	Слова-маркеры	Распространенные ответы	Редкие ответы
Левобережная Украина	Россия	Соседнее государство, соседи, Москва, Кремль, Путин, газ	Друзья (дружба), сильная держава, богатство, тщеславие, "враг №1", "империя зла", "агрессор", опасность, империализм, старший брат, матрешка, "азиатская страна", рабство, коррупция
	Советский человек	Прошлое, житель СССР, рабочий, бедность, гордость	Ностальгия, воспитание, коммунизм, стандарт, однотипность, зомби, серость, "совок", стабильность, "правильный, но...", очередь в магазине, Брежнев
	Малороссия	Украина, оскорбление ("намерение говорящего унижить, доказать его неполноценность"), старый русский термин	Незнание истории, история, "петровская дурость", "невольная жизнь", автономия, Украина-Русь, несправедливый поворот истории
	Слобожане	Жители восточных регионов Украины (Слобожанщины), украинцы ("они тоже украинцы"), мы	"Наш край", "прихвостни России", предатели и "ренегаты", граница, сброд

Россия	Россия	Родина, страна, гордость, империя, нищета ("... в богатейшей стране")	Москва, Путин, коррупция, русские
	Советский человек	Труженик, житель СССР, гордость, интеллигент, скромность, ностальгия	"Не вернешь", бедность, КПСС, Брежнев, майская демонстрация, "живущий прошлым"
	Украина	Соседи, сало, Киев, Гоголь, Тарас Бульба	Шевченко, культура, славяне, граница, Тимошенко

Примеры высказываний:

Россия

Курск, негодование: "встреча немецких оккупантов хлебом и солью", "борьба с коррупцией", "москвичи уже достали!", "законы, приводящие к обнищанию населения".

Почеп, гордость: "отделение от Украины в 1918 году".

Рыльск, гордость: "воссоединение России и Украины".

Давление на Курскую область (со стороны Украины): "Давит Сумская область: высоко о себе мнения. Стараются принизить, унижить россиян" (ж, 60 лет, г. Рыльск).

Давление на Курскую область (со стороны России): "проявляется во всяких формах: как спрут, Москва высасывает все ресурсы из города и региона" (м, 50 лет, г. Курск).

Украина

Луганск, давление: "наиболее острая конкуренция внутри региона – Донецкая область стремится присоединить Луганскую".

Луганск, отличия: "наибольшие отличия с Донбассом".

Сумы, давление¹: "Давит Донбасс и Россия – экономическое и политическое давление Донбасса, навязывание Россией своих интересов в важных для нее аспектах" (ж, 42 года), "Давление ощущается со стороны России: газ, русский язык, осталась проблема и старшего брата" (ж, 45 лет).

Чернигов, давление: "Давит Киевский регион (более высокий уровень развития)" (м, 59 лет).

Чернигов: негодование вызывает бездарная политика президентов Украины по отношению к России (в смысле: нет отпора давлению России) (м, 59 лет).

Сумы: трактовка Оранжевой революции 2004 г.: "Восстание молодого духа против геноцида украинцев" - т.е. эта революция, в понимании респондентов, была направлена прежде всего против своих же украинских властей ("Киева").

1. Багалій Д. І. Історія Слободської України / Багалій Д. І. – Харків: Союз, 1918. – 308 с.

2. Гельман В. Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности / Гельман В. Я. // Журнал социологии и социальной антропологии, 2003, том 6, 32, С. 91 – 105.

3. Гриценко А. А. Этнокультурный градиент и региональная идентичность в российско-украинско-белорусском порубежье / Гриценко А. А. // Известия РАН. Серия географическая. - 2011. - №1. - С. 31-44.

4. Gritsenko A. A. Ethnocultural Gradient and Regional Identity along the Russian-Ukrainian-Belarusian Borderland / Gritsenko A. A. // Regional Research of Russia. - 2011 - Vol. 1. - No. 4. - p. 373-384.

5. Гриценко А. А. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины / Гриценко А. А., Крылов М. П. // Культурная и гуманитарная география. - 2012. - Т. 1. - № 2. - С. 126-140. - Режим доступа: <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/53>

6. Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России / Крылов М. П. – М.: Новый хронограф, 2010. – 237 с.

7. Мусихин Г. И. Идеология и история / Мусихин Г. И. // Общественные науки и современность. - 2012. - №1. - С. 134 – 146.

8. Смирнягин Л. В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре / Смирнягин Л. В. // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. - М., МОНФ, 1999. - С.108 – 115.

¹ Около 25% респондентов из Сум полагают, что давит Россия и ее ближайшие регионы (Белгородская и Курская области).

Article is dedicated to providing methodological issues border analysis of regional identity neighboring regions of Ukraine and Russia.

Keywords: identity, questioning, contrasts, historical memory region.

1. Bahalii D.I. Istoriiia Slobodskoi Ukrainy. – Kharkov: Soiuz, 1918. – 308 s.
2. Helman V.Ya. Polytycheskye elyty y stratehyy rehyonalnoi ydentychnosty // Zhurnal sotsyolohyy y sotsyalnoi antropolohyy, 2003, tom 6, 32, S. 91 – 105.
3. Hrytsenko A.A. Etnokulturnyi hradyent y rehyonalnaia ydentychnost v rossyisko-ukraynsko-belorusskom porubezhe // Yzvestyia RAN. Seryia heohrafycheskaia, 2011, #1, S. 31 – 44.
4. Gritsenko A.A. Ethnocultural Gradient and Regional Identity along the Russian–Ukrainian–Belarussian Borderland // Regional Research of Russia, 2011, Vol. 1, No. 4, pp. 373–384
5. Hrytsenko A.A., Krylov M.P. Etnokulturnyi hradyent: rehyonalnaia ydentychnost y ystorycheskaia pamiat v sosednykh raionakh Rossyy y Ukrainy // Kulturnaia y humanytamaia heohrafiya, 2012, T.1, #2, S. 126 – 140. <http://gumgeo.ru/index.php/gumgeo/article/view/53>
6. Krylov M.P. Rehyonalnaia ydentychnost v Evropeiskoi Rossyy – M.: Novyi khronohraf, 2010. – 237 s.
7. Musykhyn H.Y. Ydeolohyia y ystoriya // Obshchestvennye nauky y sovremennost, 2012, #1. S. 134 – 146.
8. Smyrniahyn L.V. Terrytoryalnaia morfolohyia rossyiskoho obshchestva kak otrazhenye rehyonalnoho chuvstva v russkoi kulture // Rehyonalnoe samosoznanye kak faktor formirovaniya polytycheskoi kultury v Rossyy., M., MONF, 1999, S.108 – 115.

Гриценко Антон, Крилов Михайло

МЕТОДОЛОГІЯ ТА МЕТОДИКА ВИВЧЕННЯ РЕГІОНАЛЬНИХ КОНТРАСТІВ В ІДЕНТИЧНОСТІ ТА ІСТОРИЧНОЇ ПАМ'ЯТІ

Стаття присвячена питанням методичного забезпечення аналізу регіональної прикордонної ідентичності сусідніх областей України та Росії.

Ключові слова: ідентичність, анкетування, контрасти, історична пам'ять, регіон.

© Гриценко А. О., Крилов М. П.

Стаття надійшла до редколегії 30. 05. 2014 р.